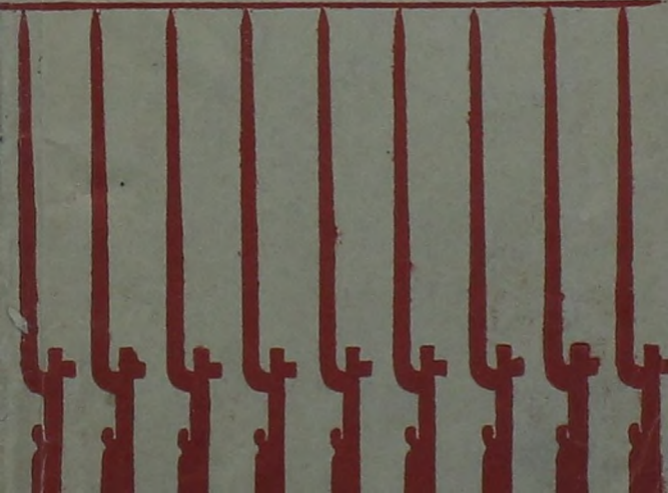

Мих. Левитин

ФРОНТОВАЯ

САТИРА

М. ЛЕВИТИН

36492

Л 36

ФРОНТОВАЯ САТИРА

*Избранные рассказы
и фельетоны*

Пенз.-Обл. б-ка
имени
М. Ю. Лермонтова
Читальный зал

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
1944

СОДЕРЖАНИЕ

Общезитие имени Гитлера

Арийский юмор	5
„Все хорошо“	8
Радикальное средство	9
„Всегда впереди“	12
Голый символ	14
Несчастливое число	17
„Фюрер думает за тебя“	22
Три причины	23
Умирать так с музыкой	25

Русская баня

Русская баня	31
Незабываемая встреча	35
Дорога на Мурманск	39
Васька Свищ	42
Сатирические мелочи	45
Сдержал слово	49

С глазу на глаз

Сухое бритье	55
Общий знакомый	58
Папашин почерк	62
Музыкальный момент	64
Конфузный случай	67
Разговор о неряхе	71

ОБЩЕЖИТИЕ ИМЕНИ ГИТЛЕРА

АРИЙСКИЙ ЮМОР

Предварительно выпив как следует, офицер Блиценкрах собрал солдат и обратился к ним с такой речью:

— Солдаты, я замечаю, что вы почему-то грустите. Нас, правда, осталось немного, потери, сами видите, какие, но все наладится, солдаты! Настоящий немец должен быть обязательно веселым. Веселье поможет нам дождаться весны... Веселье жизнь немцу сохраняет. Возьмите, к примеру, Фрица Крюкке. Вот был веселый человек! Бывало, все время смеялся. А какие он анекдоты рассказывал, царство ему небесное! И Ганс Штукке, покойный, был тоже веселым, и Людвиг Базен всегда смеялся. Ноги обморозил — хохочет, голову ему прострелили — хохочет. Он и на том свете, наверно, сейчас

хохочет. А вы все отчего-то скучные. Но сегодня я вас рассмешу. Расскажу я вам очень забавный анекдот... Пошли мы однажды с нашим генералом в одно увеселительное парижское заведение...

Блиценкрах сделал паузу, оглядел собравшихся и увидел мрачные солдатские лица.

— Придется им что-нибудь другое рассказывать, более смешное, — решил Блиценкрах.

В этот самый момент Блиценкраха вызвали к телефону, но уходя, он предупредил:

— Я скоро вернусь, солдаты, и расскажу вам такой анекдот, что вы животы надорвете.

Как только Блиценкрах ушел, его место занял ефрейтор Фридрих Вайнtrupпе. Он разговаривал с солдатами до тех пор, пока не вернулся Блиценкрах.

— Так вот, значит, — начал после перерыва Блиценкрах, — расскажу я вам такой анекдот. Пошли мы как-то с нашим полковником в один норвежский кабак...

Дальше Блиценкрах рассказывать не мог. Его голос потонул в дружном солдатском смехе. Солдаты смеялись так долго и гром-

ко, что Блиценкрах не смог закончить анекдота.

Позже он вызвал к себе ефрейтора Вайн-труппе и, допивая вторую бутылку водки, хвастливо заявил:

— А все-таки я умею веселить! Ведь как черти смеялись! Прямо не ожидал! Вот что значит выбрать смешной анекдот!

— А тут анекдот непричем, — ответил ефрейтор. — Если говорить откровенно, ваше благородие, то анекдот совсем и не смешной.

— То-есть как не смешной? — возмутился Блиценкрах. — Почему же они так смеялись?

Ефрейтор осушил стакан и успокоил Блиценкраха.

— Это не вы их рассмешили, ваше благородие, а я их рассмешил. Я им сказал прямо: «Если не будете смеяться, то расстреляю на месте». Со мной ведь шутки плохи, ваше благородие! Иначе нашего солдата никак не заставишь веселиться. Не понимают они, сукины дети, настоящего арийского юмора!

«ВСЕ ХОРОШО»

Прощаясь со своим другом, Генрихом Шлехтом, солдат Оскар Блюдце сказал:

— Ну, прощай, Генрих! Сегодня меня отправляют в госпиталь. Если останешься в живых, напиши мне подробное письмо. Только пиши правду. Мы с тобой, Генрих, простые немецкие солдаты, врать нам незачем. У нас для этого фюрер есть. Все равно его не переплюнешь!

— Написать-то я напишу, — ответил Шлехт, — но ты, кажется, от радости, что тебя ранило, совсем с ума сошел? Как же я могу написать тебе правду, если за каждое правдивое слово ожидает расстрел?

— Не беспокойся, — возразил Оскар, — я все учел. Мы можем здорово обмануть наших офицеров. Условимся так. Во всех случаях пиши, что все хорошо. Но если действительно будет хорошо, пиши черными чернилами, а если надо понимать наоборот, то пиши чернилами красными.

Через несколько дней в госпиталь, где лежал Оскар Блюдце, прибыла новая партия раненых немцев. От них Блюдце узнал, что полк, в котором он служил, полностью разгромлен.

— А не скажете ли вы, — поинтересовался Блюдце, — как там живет мой друг, Генрих Шлехт?

— Плохо живет, — ответили раненые, — от полка не больше взвода осталось... Есть нечего...

Вскоре Блюдце получил письмо от самого Шлехта.

По понятным причинам, первым делом Блюдце обратил внимание на цвет чернил.

К великому его удивлению, письмо было написано черными чернилами.

— Кажется, мой Генрих все перепутал, — подумал Блюдце и приступил к чтению письма.

Генрих Шлехт сообщал:

«Дорогой друг, в нашем полку все обстоит блестяще. Все есть. Нет только одного — красных чернил. Но и без них, как ты видишь, вполне можно обойтись».

РАДИКАЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Генерал Густав Мария фон Гутерброд совсем потерял сон. Да оно и неудивительно. Из дивизии приходили вести одна печальнее другой.

Под натиском Красной Армии отборные полки фон Гутерброда панически бежали, оставляя на поле сражения орудия, танки, пулеметы и знамена.

Генерал настолько разнервничался, что уже хотел сам выехать в часть, но в это время раздался стук, и в кабинет вошел только что прибывший из Берлина лейтенант Фриц Рыбенгробб.

— Позвольте представиться, — начал офицер. — До войны я работал в гестапо в качестве старшего инструктора по отделу пыток и казней. За свою деятельность награжден почетным топором.

Генерал страшно обрадовался. Он пожал руку Рыбенгроббу и восторженно сказал:

— Очень приятно познакомиться. Такой человек нам сейчас просто необходим. Поручаю вам срочно найти средство, которое прекратило бы бегство наших солдат. Надеюсь, что в этом трудном деле вы не пощадите сил и крови.

Офицер выгнулся, сжал кулаки.

— О силах говорить нечего, а крови чужой я жалеть не привык.

На следующий день Рыбенгробб пришел к генералу и доложил:

— Меры приняты. Всех, кто бежит, я расстреливаю самолично.

— Ну, и как результаты? — спросил генерал.

— Результаты замечательные, ваше превосходительство! Все, кто бежал от красных, теперь уже бежать не могут.

— Хорошо, — обрадовался генерал, — значит, они твердо стоят на своих местах?

— Никак нет, ваше превосходительство! Стоять они тоже не могут. Они теперь лежат, ваше превосходительство!

Генерал опешил:

— Это, голубчик, я и без вашей помощи делал. Приказываю добиться стойкости в солдатских рядах. Понимаете? Стой-ко-сти!

Через день Рыбенпробб вбежал в комнату генерала.

— Ваше превосходительство! Приказание выполнено. Наши солдаты проявили небывалую стойкость. Храбрые немецкие артиллеристы не покидают орудий. Наши танкисты крепко сидят в своих танках. Стойкость изумительная.

Услышав такую весть, генерал даже подпрыгнул от радости.

— Я вас представляю к награде, — произ-

нес генерал. — Но скажите все-таки, как вы этого добились?

— Очень просто, — ответил Рыбенгробб. — Я приковал железными цепями всех артиллеристов к орудиям, а танкистов, чтобы крепче сидели, привязал к сиденьям. Теперь, ваше превосходительство, они при всем желании бежать не смогут! Красные войска сами убедятся в стойкости наших солдат!

И действительно, Рыбенгробб не ошибся. На другой же день советские воины убедились в «стойкости» фашистских солдат. Разгромив остатки немецкой дивизии, красноармейцы забрали орудия и танки вместе с прикованными цепями фашистскими солдатами.

«ВСЕГДА ВПЕРЕДИ»

Звать его Фридрихом, чин офицерский, и в непродолжительной его воздушной жизни событий было хотя и мало, но все они довольно красочны.

Жил Фридрих в Берлине. Среди знакомых он считался неумным, родители звали его полудураком, беспристрастные родственники величали его непроходимым дураком, и всего этого было вполне достаточно, чтобы по первому своему заявлению Фридрих ока-

зался зачисленным в ряды национал-социалистской партии.

Фридриху многие завидовали:

— Дуракам счастье, — говорили о нем знакомые.

И действительно, карьера его развивалась стремительно, и счастье улыбалось буквально на каждом шагу.

Перед призывом в армию невеста сказала Фридриху:

— Я передумала, я не выйду за вас замуж. Мне нужен военный со славой. Я хочу чтобы муж мой имел рыцарский крест и присылал мне много, много посылок из России.

— Ну, если дело за этим, — ответил Фридрих, — то все будет в порядке. Я пойду не в пехоту, а в авиацию. Там все быстрее — и крест и посылки. Поучусь немного, а учиться я умею. Меня хоть и считают дураком, а в школе я всегда был первым учеником. Вы обо мне скоро услышите, Матильда. Очень скоро!

Вскоре слух о Фридрихе облетел всю Германию.

Перед отправкой в армию Фридриха пригласили на радио и он произнес речь:

— Я даю клятву, — сказал Фридрих, —

что в первом же бою собою 10 советских самолетов. Я клянусь фюреру, что буду всегда и везде впереди.

И одно это радиовыступление уже прочно утвердило его в первых рядах. Он первым по окончании летной школы получил похвальный аттестат. Он первым получил право на боевой вылет и первым прибыл на Север. Он был первым немцем, который появился над городом Мурманском. Его первым сбил русский летчик. Он первым выбросился с парашютом на советскую землю, и первым попал в плен.

Фридрих не получил рыцарского креста. Здесь у него, как говорится, явное невыполнение плана. Зато во всем остальном он сдержал свое слово. Как видит читатель, Фридрих был всегда и везде впереди.

ГОЛЫЙ СИМВОЛ

Еще с утра в уцелевших берлинских домах сутились уцелевшие берлинские жители.

Особенное оживление царило на вокзале. В этот день правительство решило порадовать немцев новогодними сюрпризами. А

сюрпризов действительно было много. Целые эшелоны раненых.

Хуже обстояло дело с елками. С тех пор, как по приказанию Гитлера из елочных игол начали готовить котлеты, елки совершенно исчезли. Однако «изобретательные» арийцы обошлись и без елок. В ход пошла обыкновенная метла.

Вместо игрушек, которых тоже не было, на «елку» повесили красочные открытки с извещением о гибели родных и знакомых на русском фронте.

Стрелки часов показывали без пяти двенадцать.

Берлинцы недоумевали:

— Не иначе, как что-то случилось с нашим Новым годом! Где он мог задержаться?

Но Новый год и не думал задерживаться.

Несмотря на поздний час, навстречу ему то и дело попадались праздничные колесницы. Правда, глазным образом погребальные.

Прохожие ежились от холода, и сухощавый немецкий Новый год увидел, что только на нем да на штурмовиках, стоявших на углу, была зимняя одежда.

— Бедные берлинцы, — хотел сказал Новый год, но сказать не успел.

К нему подошли штурмовики и один из них ехидно спросил:

— Речь господина Геббельса читал?

— Нет, — чистосердечно признался Новый год и тут же почувствовал на своей щеке крепкую оплеуху.

— Это тебе за то, что ты не читал речи господина Геббельса! — крикнул штурмовик.

— Вы не имеете права, — обиделся Новый год. — Я требую объяснения.

— Объяснение простое, — сказал штурмовик. — Снимай сейчас же валенки, шубу и теллую одежду. Вот о чем говорил господин Геббельс! Есть приказ фюрера — провести добровольный сбор теплых вещей. Кстати, штаны тоже снимай. Настоящие арийцы и без штанов ходить могут. Пошлют на фронт -- бежать удобнее. Все для вас же, дураков, стараемся!

Новый год хотел было возразить, хотел сказать, что сейчас холодно, и что поскольку он в некотором роде символ радости, то без штанов ему просто неудобно появляться, но разговор оказался лишним.

Еще несколько ударов — и по примеру прочих немецких жителей Новый год «доб-

ровольно пожертвовал свою одежду», оставшись совершенно голым.

По имеющимся у нас сведениям, в Берлине его так и не дождались.

НЕСЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО

Гитлеру не спалось. Каждую минуту он вскакивал, рычал, потом вдруг ни с того, ни с сего произносил какие-то страшные речи.

В эти минуты секретарь бегал по коридору, звал врачей и кричал истощенным голосом:

— На помощь! Фюреру плохо!

И действительно фюреру было очень плохо.

Каждый день приносил все новые и новые разочарования. Немецкая армия таяла, отборные германские хваленые дивизии прекращали свое существование под ударами Красной Армии.

Когда врачи привели Гитлера в чувство, он срочно вызвал Геббельса:

— Ну, как у вас дела? — рявкнул фюрер.

Геббельс полез было в портфель за бумагами.

— Ты мне читать брось! — закричал Гитлер. — Врать я и без тебя умею. Ты мне

правду говори! Ну — какие донесения с русского фронта?

Геббельс опустил голову.

— Очень печальное донесение; мой фюрер. Наши солдаты, наши храбрые отважные солдаты бегут.

— Бегут? — переспросил Гитлер. — Это не может быть, чтобы все немецкие солдаты бежали!

— А я и не говорю, что все. Наоборот, мой фюрер, многим солдатам так понравилось в России, что они решительно отказались покидать русскую землю.

Услышав это, Гитлер обрадовался.

— Я всегда верил, — продекламировал фюрер, — я всегда знал, что настоящие арийцы сумеют крепко постоять за идеалы своего фюрера.

— Они уже не стоят, — тихо добавил Геббельс, — они не могут крепко стоять, мой фюрер, по чисто техническим причинам. Зато они крепко лежат. Очень крепко.

Гитлер вскипел и снова раздался его хриплый крик:

— Этого не может быть! По-твоему выходит, что вся немецкая армия разбита на рус-

ском фронте на две части. Одна часть бежит, другая лежит! Так я говорю или не так?

- Не совсем так, — отвечал перепуганный Геббельс, — есть третья часть, которая и не бежит и не лежит. Она сидит в лагерях для военнопленных.

- Ну и дела, — еле отдышавшись, сказал фюрер. — Представляю, какие разговоры ходят среди населения!

- Никаких! — отрапортовал Геббельс. — Настроение у всех замечательное. Все ходят и улыбаются.

- Это почему же они улыбаются? — недоуменно спросил Гитлер. — Лучшие наши дивизии погибают, — солдаты бегут, генералы сдаются в плен, что же тут веселого?!

- Веселого действительно маловато. — печально произнес Геббельс, — но по вашему приказанию все неулыбающиеся немцы подлежат расстрелу. Поневоле будешь улыбаться!

- Отменить улыбки! — рявкнул Гитлер. Никакого веселья! Кто будет улыбаться в эти дни — расстрелять! И еще: обо всех слухах в связи с нашими неудачами докладывать мне немедленно!

Геббельс сказал «слушаюсь» и тихо добавил:

— Среди населения распространился один слух... Говорят, что во всех немецких несчастьях виновато какое-то число.

Прославившийся своим суеверием фюрер срочно решил найти и уничтожить «несчастливое» число.

Геббельс перелистывал календарь и наконец радостно воскликнул:

— Нашел! Это очевидно двадцать третье число! В этот день в феврале каждого года русские празднуют юбилей Красной Армии.

— Уничтожить! — закричал фюрер, — немедленно уничтожить!

— Вы о чем? — переспросил Геббельс. — Если о Красной Армии, так я уже во время войны лично об'явил 164 раза о полном уничтожении Красной Армии.

— Число уничтожить! — крикнул Гитлер. — Это очень несчастливое число! Пишите: «с сего числа приказываю уничтожить двадцать третье число. Лица, оказавшиеся в числе неуничтоживших с сего числа вышеназванного числа подлежат расстрелу».

На следующий день приказ был расклеен на улицах Берлина, а вечером к Гитлеру снова пришел Геббельс и заплетающимся языком доложил:

— Очевидно, уничтожения одного числа явно недостаточно, Красная Армия наступает. Самые большие несчастья начались под Орлом. Чем дальше, тем хуже. Что ни число, то сплошные немецкие неприятности.

— Уничтожить весь календарь оптом! — приказал Гитлер. — Выбросить все большие вистские числа!

И календарь был уничтожен. Теперь уже немцы обходились без календаря. Только дела от этого у них не улучшились. Русские били немцев на всех фронтах, не взирая на числа. Били так крепко, что кое-кто из берлинцев называл число, принесшее Германии столько несчастья. Двадцать второе число.

Двадцать второго числа июня месяца тысяча девятьсот сорок первого года Гитлер начал войну с Россией.

Действительно несчастливое число. Оно принесло неисчислимыя бедствия.

Неизвестно еще, какое именно число будет красоваться на листке календаря в день, который скоро настанет. И мы назовем его последним днем гитлеризма, фашистских главарей и Гитлера в том числе.

«ФЮРЕР ДУМАЕТ ЗА ТЕБЯ»

„Знай, фюрер думает за тебя и все сделает за тебя“

(Из „Памятки германского солдата“).

Началось все это просто. В комнату, где сидел офицер Пустенкопф, вбежал адъютант и, выпучив глаза, отрапортовал:

— Чрезвычайное происшествие! Солдат третьей роты Карл Шмюцке позорит арийскую расу! Он думает, ваше благородие!

Пустенкопф сердито сплюнул и выругался.

Через несколько минут солдат Шмюцке стоял перед офицером.

— Дошли до меня слухи, — начал Пустенкопф, — что ты о чем-то думать стал.

— Не отрицаю, — согласился Шмюцке. — Я о своей жене Марте все время думаю. Скучает она, наверное, без меня в Берлине.

— Запомни, — строго произнес Пустенкопф, — немецкому солдату думать запрещено. Фюрер сделал все, чтобы она не скукала. Он прикрепил к ней храброго штурмовика для постоянного увеселения.

— Спасибо, ваше благородие, — сказал растроганный солдат Шмюцке, — больше я

уж никогда думать не буду. Пусть фюрер за меня думает, а я лучше обедать пойду.

— Не торопись, — предупредил Пустенкопф. — Во-первых, сегодня не обеденный день, а, во-вторых, обед отяжеляет желудок. Но ты не горюй. Фюрер бережет солдатский желудок.

Выслушав офицера, Шмюцке подошел к костру, чтобы немного погреть заочевенные от мороза руки.

Но здесь его снова увидел офицер.

— Руки даны немецкому солдату для того, чтобы он держал в них винтовку, — разъяснял Пустенкопф. — На нас наступают красные, становись в ряд и не беспокойся. За тебя греет руки фюрер.

К вечеру солдат Шмюцке прекратил свое существование. Он полностью воспользовался своим единственным правом. Ему разрешалось только погибнуть. Все остальное, как известно, делал за него фюрер.

ТРИ ПРИЧИНЫ

Когда по всей роте прокатился слух о гибели полка, под названием «фюрер», офицер Бейвзуббер вызвал ефрейтора Густава Нятке и предложил:

— Сегодня вы должны объяснить солдатам, что слухи о гибели «фюрера» позорят всю нашу роту. Я знаю вас, как настоящего немца. Вы у нас на хорошем счету.

Поблагодарив за доверие, Ниттке все же попытался увильнуть от разговора с солдатами.

— Не умею я говорить, — мычал Ниттке, — стесняюсь очень... Мне и двух слов не связать...

— Ничего, — успокаивал Бейвзуббер. — Выпей фляжечку и сразу всю неразговорчивость как рукой снимет. Главное — чтобы проще и понятнее было.

Вечером роту вывели на полянку, и перед солдатами появились офицер и ефрейтор.

Изрядно выпивший Густав Ниттке, громко икнув, приступил к докладу:

— Ребята, — начал Ниттке, — ребята! Тут ходит слух, будто красные доконали нашего фюрера. Вранье все это, ребята. Вредные слухи. А почему вредные, я сейчас объясню. Тут есть три причины. Во-первых, фюрер, который погиб — не сам фюрер, а полк под таким названием. Во-вторых, самого нашего любимого фюрера во время боя быть не могло. Не такой храбрец наш фю-

рер, чтобы лезть в самое пекло. А в-третьих, ребята, если бы наш дорогой и уважаемый фюрер действительно бы погиб, то разве бы мы воевали? Да мы бы тогда сразу войну кончили! Вот и все мое объяснение. Надеюсь, что теперь всякие вредные слухи прекратятся раз и навсегда. Я кончил!

...Через два часа ефрейтора Густава Ниттке расстреляли за «большевистскую пропаганду».

УМИРАТЬ ТАК С МУЗЫКОЙ

Гebbельс обратился с призывом жертвовать для фронта граммофонные пластинки с легкой музыкой.

(Из газет)

1.

Вечером полковник фон Вшивенбок вызвал офицера Клоппенблоха и торжественно произнес:

— Отныне у вас в роте будет свой граммофон. К нему полагается две дюжины веселых пластинок. Только проверьте их как следует... Кто-то по ошибке сюда положил «Ваши пальцы пахнут ладаном» и «Со святыми упокой». Скажите солдатам, что грам-

мофон и пластинки им господин Геббельс прислал в подарок. Понял?

— Понял, — ответил Клоппенблех и, забрав граммофон, пошел развлекать солдат.

2.

Рота офицера Клоппенблеха веселилась во всю. Сам Клоппенблех заводил граммофон и ставил пластинки.

То тут, то там слышались разговоры:

— Ваше благородие, поставьте еще раз этот фокстрот!

— Да ты никак, Генрих, слова заучить хочешь?

— Слова меня не интересуют. Мне музыка нравится. Очень уж под эту музыку чесаться удобно!

— Разрешите пожаловаться, господин офицер. У моего соседа Ганса Глуцце от голода так урчит в животе, что всю музыку заглушает!

— Фридрих Штукке, поменяйтесь местами с Гансом Глуцце!

— А это бесполезно, ваше благородие! У него тоже урчит.

— Почему никто не поет?

— У них, ваше благородие, языки примерзли!

— Скажи, Адольф, как называется это танго?

— «Брызги шампанского».

— Эх, помню, пил я шампанское в Париже.

— Шампанское, Адольф, бывает разное, и брызги тоже разные. Никогда не забуду, как однажды нашу танковую колонну советские партизаны встретили. Они в бутылки из-под шампанского горючую смесь налили. Вот это были брызги. Все танки сгорели.

3.

Утром полковник Вшивенбок снова вызвал офицера Клопшенблоха.

— Ну, как у вас теперь в роте? — спросил полковник.

— Дела хороши, — отрапортовал офицер. Спасибо господину Геббельсу за подарок. Полковник обрадовался.

— Ну вот, я же знал, что господин Геббельс никогда не ошибается. Стоило завести граммофон, как все мрачные мысли сразу исчезли. Впрочем, сейчас я пойду с вами и

сам спрошу солдат, понравилась ли им легкая музыка.

Клочек Блох опустил голову и печально сказал:

— Спросить, господин полковник, конечно, можно. Только вряд ли вам солдаты ответят. Вчера ночью нас обстреляла советская артиллерия, и в роте уцелели только я и граммофон.

РУССКАЯ
БАНЯ

РУССКАЯ БАНЯ

I.

Вечером полковник Грязненшваль собрал офицеров и произнес очередную речь:

— Господа, — начал Грязненшваль, — скоро мы должны занять советскую деревню. Нас ждет спокойная, тихая жизнь и замечательная русская баня.

На этом месте Грязненшваль остановился и, старательно почесав плечо, восторженно продолжал:

— Вот уже давно я мечтаю о русской бане. Вы только представьте себе, господа, какое это наслаждение! Веники... Пар... Горячая вода... Нет ничего лучше русской крестьянской бани! Господа, как только мы войдем в деревню, сразу же все отправимся в баню.

Однако, заняв деревню, Грязненшваль вынужден был отложить посещение бани на

неопределенное время. Причина была одна, но очень существенная. Немцам не давали житья партизаны, а поймать их никак не удавалось. Известно было только, что партизаны скрываются где-то в лесу и что руководит ими пожилой советский учитель Васильев. Видя, как тает и без того изрядно потрепанная часть, полковник Грязненшваль снова собрал офицеров и во всеуслышание заявил:

— Господа! Ликвидировать своими силами партизанскую опасность мы не можем. Вот почему я решил вызвать на помощь карательный отряд. Он обеспечит нам покой, а как только отряд придет сюда, я сразу же поведу вас в баню. Что может быть лучше русской бани, господа! Впрочем, вы сами в этом скоро убедитесь!

После собрания Грязненшваль вызвал ефрейтора Ганса Люкке.

— Возьмите двух солдат, — приказал полковник, — проберитесь в штаб дивизии, передайте начальнику штаба мое письмо и скажите ему, чтобы торопился.

Утром к Грязненшвалю постучался человек, и, откозырнув, отрапортовал:

— Офицер Эрих-Шульц, начальник карательного отряда. Прибыл по распоряжению командования дивизии. Отряд в полной бое-

вой готовности и ждет вашего приказа.

Грязненшваль даже прослезился от радости.

— Спасибо... Во-время прибыли.. А где же ефрейтор Люкке?

— Ефрейтор Люкке получил ранение в дороге и оставлен в дивизионном госпитале, — четко доложил офицер. — Разрешите идти?

— Идите, — сказал полковник, — и сейчас же поставьте надежный караул около... бани. Думаю, что теперь, наконец, мы можем начать спокойную жизнь.

— Не волнуйтесь, — ответил офицер, — Теперь вам бояться нечего. Полный покой обеспечен.

2

Когда офицеры разделись, Грязненшваль первым вошел в парилку и сразу же принял на себя командование мытьем.

— Вначале разотрите тело руками, — кричал Грязненшваль. — Так... Хорошо... А теперь бейте себя вениками! Крепче!.. Не торопитесь. Это надо делать медленно, с чувством, спешить некуда. Нас охраняет отряд! Полный покой обеспечен!

В тот самый момент, когда полковник и офицеры били себя вениками, дверь в парилку

с шумом открылась и перед Грязненшвалем появился Эрих Шульц.

— Господин полковник, — торопливо доложил он, — из леса идут сюда партизаны. Их очень много. Пока мы охраняем входную дверь, я рекомендую вам вылезать в окно.

— То-есть, как это в окно? — панически заорал Грязненшваль. — Как же это можно? Ведь мы голые! Налег одеться!

— Тогда будет поздно, — объяснил Шульц. Оденетесь потом. Разрешите, я окно открою...

Первым вылез Грязненшваль. Как только он спустился на землю, сразу же его схватили «солдаты карательного отряда». Та же участь постигла и других любителей русской бани.

Полковник тупо озирался по сторонам. Он не мог понять, почему люди в форме германских штурмовиков связали ему руки.

Грязненшваль так бы ничего и не понял, если бы на помощь не пришел «начальник карательного отряда».

— А теперь познакомимся, — сказал «офицер». — Перед вами командир партизанского отряда. Советский учитель. Васильев моя фамилия. А вот это — партизаны. Вы не удивляйтесь, господин полковник. Ваших связных мы перехватили в лесу. Донесение

прочитали и решили прибегнуть к этой хитрости. Тем более, что немецкого обмундирования у нас хватает и оружие тоже имеется. Надеюсь, все понятно?

— Понятно, — буркнул полковник.

— Тогда пошли, — сказал Васильев и улыбаясь добавил:

— С легким паром, господин полковник! Теперь уж полный покой вам обеспечен.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

1.

Офицера Макса Брехненвраля прислали из Берлина на должность начальника роты пропаганды.

Хотя в послужном списке Брехненвраля никаких военных доблестей не значилось, тем не менее на него возлагались большие надежды.

В самом начале войны с Советским Союзом Геббельс вызвал его к себе и сообщил:

— Вы назначаетесь начальником роты пропаганды. С вами поедет бывший русский помещик Кузькин. Захватите кинооператора. Я жду от вас документальный фильм под названием «Незабываемая встреча». В этой

картине должна быть показана радость русского населения, встречающего германские войска. Сценарий напишите сами. Как только картина будет получена, вас произведут в генералы.

Прибыв в часть, Брехненвраль приказал срочно соорудить арку и покрасить ее в белый цвет.

Посередине арки повесили большой плакат, на котором Брехненвраль вывел крупными буквами:

«Табро пошаловать, дарагие асфабадители. Атольф Гитлер даст ист наш лучий трук».

Покончив с плакатом, Брехненвраль вызвал кинооператора.

— Сейчас я вам прочту свой сценарий, — сказал он. — Слушайте. Русская деревня. Население готовится встретить немецкие войска. Женщины пекут пироги, жарят мясо, режут кур, гусей, поросят. Крупным планом...

Брехненвраль проглотил слюну и, вздохнув от усилия, продолжал:

— Навстречу крестьянам выходит их помещик Кузькин. Колхозники бегут навстречу. Крепкие объятия. Крупным планом... Приготовьтесь к с'емке, а я пойду будить

этого пьяницу Кузькина. Беда с этим помещиком, по-русски помнит всего только пять слов, да и те ругательные.

Кузькина Брехневраль отыскал в обозе. Бывший русский помещик лежал в деревянном ящике, на котором углем было написано: «верх», «низ», «осторожно — рассыпается».

Он был настолько пьян, что при попытке встать потерял равновесие и опрокинулся вместе с ящиком.

— Русская свинья! — выругался Брехневраль. — Никакой водки больше не получите. Понюхайте нашатыря и одевайтесь. Через час мы будем в вашей деревне. Смотрите, если вас крестьяне не узнают, денег не получите.

— Узнают, — икая, сказал Кузькин. — Старики меня сразу узнают. Пусть только попробуют не узнать. Всех заporю!

2.

Придя в деревню, немецкие солдаты установили арку. Захватив с собой трех пулеметчиков и десять автоматчиков, Брехневраль пошел искать население, «радушно встречающее немецкие войска».

Но к великому своему огорчению, Брех-

ненвраль обнаружил, что никто не пек пирогов, никто не резал жирных кур. В деревне, кроме двух насмерть перепуганных кошек средней упитанности, никого не было.

Только после долгих поисков из леса привели четырех стариков.

Брехненвраль торжествовал.

— Выводите Кузькина! — командовал он.
— Оператор, на место!

Кузькина подвели к старикам.

— Узнаете? — спросил Брехненвраль у стариков. — Ведь это ваш помещик... Кузькин! Что же вы его не обнимаете? Обнимайте немедленно! Или я вас расстреляю!

Брехненвраль отдал команду стрелять, но в это время один из стариков простер руки и громко вскрикнул:

— Братцы, да ведь это наш помещик Кузькин!

Старик подошел к помещику и крепко его обнял.

— Снимайте, — кричал Брехненвраль, — снимайте!

Оператор повернул было ручку, но вдруг раздался крик, и окровавленный Кузькин выпал из стариковских объятий. В груди Кузькина торчал большой кухонный нож.

Три старика, что стояли поодаль, кинулись на Брехненвраля, и, вслед за этим со всех сторон появились колхозники, вооруженные пулеметом, гранатами, винтовками, топорами.

Через два часа от роты пропаганды не осталось в живых ни одного человека.

Рядом с поломанной аркой лежали Макс Брехненвраль и бывший помещик Кузькин. Из кармана офицерской шинели торчал лист бумаги, на котором можно было прочесть: «Незабываемая встреча».

Встреча действительно была забываемой.

ДОРОГА НА МУРМАНСК

1.

Началось все это в июле. Вместо финского генерала командовать горно-егерской дивизией Гитлер прислал своего закадычного друга генерала Шернера.

Прибыв в дивизию, генерал созвал офицеров и грозно прокричал:

— Фюрер недоволен вами, господа... Так продолжаться не может.

Генерал не успел докричать, как вбежал запыхавшийся адъютант и, протянув листок бумаги, взволнованно сказал:

— Вам радиограмма от фюрера!

— Встать! — скомандовал генерал и торжественно прочел вслух:

«Начните наступление немедленно. Через три дня должны быть в Мурманске. Результаты сообщить немедленно по занятии города. Гитлер».

Зачитав радиограмму, генерал отпустил офицеров, оставив при себе одного адъютанта.

— Надо составить специальное обращение к солдатам, — сказал генерал. — Начните его так: сильные духом и крепкие телом, славные немецкие солдаты!

Адъютант робко поднял глаза и едва слышно произнес:

— Насчет силы духа сказать можно. Дух действительно от солдат идет сильный: сегодня каждому по две фляжки водки выдали... А вот насчет крепости тела — дело плохо. Пятый день кухня не работает.. Горячую пищу не из чего варить.

— Гм, — недовольно сморщился генерал.

— Вам сколько раз говорить одно и то же?

— В инструкции, кажется, ясно сказано: если не из чего делать горячую пищу и если в частях нет муки и хлеба, то солдатам надо выдавать паек сухими продуктами. Передайте

солдатам, что через три дня в Мурманске они получат тройную порцию горячей пищи. Кстати, проверьте, готовы ли солдаты в поход.

— Готовы, ваше превосходительство. Совсем готовы. Еле на ногах стоят... В дым пьяные.

2

Седьмые сутки сидел Гитлер у себя в кабинете и ждал разговора с Мурманском.

Но из Мурманска что-то не звонили. Тогда Гитлер распорядился:

— Срочно послать телеграмму! Диктую: Мурманск. Генералу Шернеру. Сообщите результаты.

Однако телеграмма где-то застряла в пути, и ответа не последовало.

Гитлер окончательно рассвирепел.

— Неужели они еще не заняли Мурманск? Запросите по старому местонахождению штаба!

Но и по старому адресу горно-егерскую дивизию не нашли.

Отброшенная далеко к финской границе бывшая дивизия генерала Шернера никак не могла найти себе пристанища. Сам генерал

сидел в щели под скалой и писал личное секретное письмо своему другу.

«Дорогой Адольф! Собирался писать из Мурманска, но вышло так, что в результате нашего быстрого продвижения в Мурманск мы очутились в Финляндии. Питания нет. Мурманский паёк, обещанный мною солдатам, мы получили от красных авансом сразу же, как пошли в наступление. Мы потеряли наши отборные горно-егерские полки, лучших солдат потеряли... Красные забрали наши минометы, автоматы, пулеметы и прочее вооружение. От одной дивизии осталось всего только несколько офицеров, сотня другая солдат и очень много пустой посуды из-под водки. Хотел все это сообщить тебе по радио. Но радиостанции красные тоже забрали. Остаюсь преданный тебе и всегда готовый к победе над Красной Армией твой лучший друг генерал Шернер».

ВАСЬКА СВИЦ

Вечером генерал Смардентруппе вызвал к себе начальника роты пропаганды офицера Брединвздорфа и, насупившись, сказал:

— За три дня мы потеряли в этом городке

двести шестьдесят солдат и двадцать четыре офицера. Расстрелы не помогают. — Надо пойти на хитрость. Срочно отыщите среди местных жителей подходящего человека на должность губернатора. Вот тогда мы будем иметь надежную опору.

Только через неделю Брединвздорф с большим трудом нашел двух человек, согласившихся принять губернаторский портфель. Один из них, бывший лавочник Кокояченко, услышав предложение Брединвздорфа, сразу же упал на колени и начал плакать.

Торжествующий Брединвздорф хотел уже было идти к генералу, чтобы представить будущего губернатора, но вдруг Кокояченко встал, обнял Брединвздорфа и шепнул ему на ухо:

— Вы никому не говорите. Я уже несколько раз занимал пост губернатора, а в 1915 году я уже был персидским шахом. Но это между нами...

И тут только, взглянув на Кокояченко, Брединвздорф понял, что человек, который мог стать «надежной опорой немцев», просто — сумасшедший.

Теперь в списке оставался только один человек. На нем и пришлось остановиться.

Утром Брединвздорф принес Смардентруппе заявление единственного кандидата на губернаторский пост. На большом листе бумаги крупными буквами было написано:

Заявление

От Свища Василия Анкудиновича, он же Петькин, он же Вырви глаз, он же Поцелуйкин.

Дорогие соратники! Прошу зачислить меня на должность губернатора. От советской власти я долго страдал за свои политические убеждения, — три года томился в тюрьме за грабеж, а также пять лет за бандитизм.

В конце заявления Свищ сообщил, что он «страдал за религиозные убеждения» т. е. в 1928 году был избит прихожанами за кражу церковных принадлежностей.

— Смардентруппе остался очень доволен будущим губернатором.

— Вот это подходящая кандидатура! Лучшего человека нам не найти. В его лице мы будем иметь настоящую крепкую опору.

Два дня губернаторствовал Васька Свищ. Видя, как немцы грабят население, «губерна

тор» решил тряхнуть стариной и тоже отпра-
вился на кражу.

В тот момент, когда Свищ шел по улице,
изнывая под тяжестью узла с награбленными
вещами, его поймали партизаны и убили на
месте.

Узнав о смерти своего ставленника, гене-
рал Смердентруппе пролил слезу и на могиле
«губернатора» сделал собственноручную над-
пись:

«Здесь покоится прах губернатора Василия
Свища. Скончался во время исполнения сво-
их обязанностей».

САТИРИЧЕСКИЕ МЕЛОЧИ НЕ ПРИВЫКАТЬ

1-й немец. Вот начнутся полярные ночи,
совсем темно будет.

2-й немец. А ты не беспокойся, Карл,
мы уже два года здесь находимся и ни
одного светлого дня не видели.

ТЕСНЫЙ СОЮЗ

— Сегодня в нашей газете опять о тесном
союзе немцев и финнов пишут.

— Союз действительно тесный. В одном
помещении немцев с финнами никак держать
нельзя: друг на друга с ножами кидаются.

УДАЧА

— Вчера должны были судить Ганса Липпе. Он нарушил приказ фюрера — обморозил себе руки:

— А почему же не судили?

— Судью в госпиталь отправили. Он себе ноги обморозил.

ПО НАСЛЕДСТВУ

— Такой маленький, а как бегаёт!

— Это у них в семье наследственное. Дедушка в 18 году от Красной Армии бежал из Пскова, папаша в 1942 — из Можайска, а дядя в 43 — из Полтавы.

ОТВЕТ ПО СУЩЕСТВУ

Судья: (финскому солдату) — Почему вы застрелили любовника вашей жены, немецкого лейтенанта Шмидта?

Солдат: — Я хотел защищать арийскую расу от чужой примеси.

У БЕРЛИНСКОГО РЕПРОДУКТОРА

— Скажите, а он долго мучился перед смертью?

— Минут двадцать. Прослушал бодрое выступление Дитмара, вздохнул и сразу умер.

НАХОДЧИВЫЙ БЕРЛИНЕЦ

У одного берлинца спросили:

— Какая разница между быком и немцем?

Берлинец ответил:

— Быка вначале отправляют на бойню, а там снимают с него шкуру, а с немцев вначале снимают шкуру, а уж потом отправляют на бойню.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

Знаменитый венский комик Вайсфельд выступал в Мюнхене. Его шутки пришлись не по вкусу немецким властям.

После одного из выступлений комика вызвали в гестапо и объявили:

— Если вы не прекратите выпады против фюрера, то мы вас расстреляем.

— Не возражаю, — ответил комик, — только прошу выполнить мою последнюю просьбу, расстреляйте меня из немецкой зенитки.

— Почему? — удивились гестаповцы.

— А очень просто. Если вы расстреляете меня из немецкой зенитки, то я наверняка останусь живым. Судя по успешным налетам советской авиации, немецкие зенитки в цель не попадают.

В ФАШИСТСКОМ ТРИБУНАЛЕ

Полковник: Ганс Штрассер, вы обвиняетесь в агитации против фюрера. Что можете сказать в свое оправдание?

Штрассер: А я ни в чем не виноват. Когда от нашего полка осталось всего двадцать человек, офицер собрал нас и сказал: «Солдаты, не унывайте и помните, что Гитлер всегда с нами». Вот и все.

Полковник: А как вы ответили на речь офицера?

Штрассер: Я ответил: «Если бы Гитлер был с нами, то его бы давно в живых не было».

В БАРЕНЦОВОМ МОРЕ

(Разговор немецких моряков)

— Вчера наш корабль очень ловко от советских бомбардировщиков скрылся.

— Как же это ему удалось?

— А очень просто. После первой же сброшенной бомбы он пошел ко дну. Его даже из пулеметов обстрелять не успели!

СДЕРЖАЛ СЛОВО

I:

Командир взвода пропаганды Фридрих Гропке прибыл в горно-егерскую дивизию 5 ноября 1942 года.

Первые два дня он прожил сравнительно спокойно и занимался усиленной пропагандой среди изрядно приунывших солдат. Но вскоре пришлось отменить все лекции и доклады. Русские начали такой обстрел, что Фридрих Гропке, а вместе с ним и другие немецкие солдаты буквально не могли высунуться из укрытий.

Это было в ночь под седьмое ноября 1942 года.

На другой день Гропке был вызван самим генералом Шернером.

— Чорт знает, что творится. — сказал Шернер. — Наши солдаты совсем упали духом. Надо принимать срочные меры!

— А я уже принимал, — доложил Гропке, — и патефон заводил, и речи генерала Дитмара зачитывал. А на завтра специально вечер воспоминаний назначил. Будет очень интересно. Старые горнострелки расскажут о том, как они воевали в Заполярье. А потом игры организуем.

Шернер стукнул по столу и, уставившись на Гропке, закричал:

— Вы что, с ума сошли? Никаких воспоминаний!

— Тогда я при первой же возможности сделаю солдатам бодрый доклад, — упавшим голосом сказал Гропке, — и заверю их от своего имени, что это последний Октябрьский праздник, который справляют русские.

Шернер утвердительно кивнул головой и отпустил Гропке.

2.

На другой день Гропке устроил собрание и выступил с докладом.

— Солдаты! — начал он — Русские по

случаю своего праздника устроили обстрел наших позиций. От этого обстрела пострадало немало наших солдат, но вы не падайте духом. Я даю вам честное слово, что скоро хозяевами России будем мы, — немцы! И не будь я Фридрихом Гропке, если вы сами не увидите, как меня, немецкого офицера, русские будут носить на руках!

3.

Прошел год. По утрам высоты покрывались легким слоем снега, вечерами немецкие солдаты собирались вокруг костров и ежась, проклинали свою судьбу. И чем морознее становилось Заполярье, тем больше таяла горно-егерская дивизия.

Судя по участвовавшим налетам советских солдат, русские опять готовились к Октябрьскому празднику.

Командир роты пропаганды Фридрих Гропке старался избегать встречи с солдатами. Однако вчера один особенно назойливый солдат пришел к нему от имени своей роты и спросил:

— Господин офицер, уже все сроки прошли. Скоро 7 ноября, а мы не в России. Нам

очень хочется увидеть, наконец, как русские вас понесут на руках.

Гропке выругался.

—Увидите! Я своё честное слово сдержу.

Вечером группа русских разведчиков пробралась в расположение немцев. Удачным маневром разведчикам удалось взять «языка». «Язык» страшно упирался, брыкался, всю дорогу его пришлось нести на руках.

На допросе он назвал себя Фридрихом Гропке, командиром немецкой роты пропаганды.

Гропке сдержал своё слово.

Это было в ночь под седьмое ноября 1943 года.

С ГЛАЗУ
НА ГЛАЗ

СУХОЕ БРИТЬЕ

Помню, перед отъездом на фронт говорит мне сестра:

— Я тебе бритву в мешок положила. Может, пригодится. Только ты сам никого не брей. Рука у тебя больно тяжелая. Подари бритву тому, кто с ней обращаться умеет.

Так я и сделал: приехал на фронт и отдал бритву нашему ротному парикмахеру.

С тех пор прошло уже порядком времени, и о бритве я бы совсем забыл, если бы не подвернулся один интересный случай.

А было дело так. Иду я раз по лесу и слышу вдруг — кто-то плачет и охает. Огляделся по сторонам, смотрю, за большим камнем человек лежит.

— Товарищ! — кричит он мне. — Будь другом, помоги мне в штаб ваш попасть...

— А вы, спрашиваю, откуда?

— Да я, говорит, из соседней деревни...

Партизан... Контузило меня фашистской бомбой... С донесением иду...

Видя, что я задумался, он меня торопит.

— Не задерживай, браток... Устал я... Три дня во рту ничего не было... Нет ли у тебя еды какой-нибудь?

— Да кое-что, — отвечаю, — найдется. Вот хлеб, сало. Кушайте на здоровье.

Не успел я оглянуться, как хлеб он уже проглотил, а сало есть не решается. Любуется им и только. А сам глаза выпучил, весь дрожит, слюни на бороду текут, а бородаща у него, как метла, торчит. Большая, рыжая.

Как увидел я эту бороду, так прямо и крикнул от удовольствия: Вот бы где поупражняться! И в первый раз пожалел я, что бритву подарил.

Пока я бороду разглядывал, мой собеседник быстро запрятал в карман кусок сала. Однако притворился я, что ничего этого не заметил, и спрашиваю.

— Ну как, поели?

— Спасибо, — отвечает бородач, — теперь я и без твоей подмоги дойду. Скажи только, как мне быстрее до вашего начальника дойти?

Ишь, думаю, до чего ему приспичило. А сам молчу и все его бородой люблюсь.

Бородач даже обиделся.

— Чего ты на меня, браток, как на божью мать уставился?

— А вот у вас, говорю, бородачи, как у самого Саваофа. С такой шваброй не только в штаб, а даже в баню ходить неудобно. Как хотите, а придется, вам свою паклю сбрить!

Услышал эти слова бородач, побледнел и смеется сквозь зубы.

— Ну, и шутник ты, парень! Я бы и сам побрился с радостью, да бритвы у меня нет, а парикмахера искать времени не имею.

Подумал я, подумал и решил помочь человеку. Хотя говорят, что без бритвы не посбреешь, а все-таки пошел я на риск. Обойдусь и без бритвы. Вот только больновато клиенту будет, но если брить под наркозом, то никакой боли он и не почувствует.

Выбрал я момент поудобней, да как стукну бородача прикладом по голове, так он даже слова сказать не успел. Лежит и молчит.

Ну, а после этого приступил я к брчтью. Брить пришлось голыми руками. Схватил я в

кулак бородищу, потянул ее как следует, она у меня вся в руке и осталась.

И дочиста побрил, прямо не узнать человека. Сразу помолодел мой клиент, лет на двадцать.

В это время и командир подошел. Обыскали мы этого супчика, видим: документы немецкие, словарь русский, газеты финские, а в потайном кармане еще две бороды запасные и клей специальный. Шпионом мой «клиент» оказался, а потому после судебного разбирательства добрили его окончательно.

ОБЩИЙ ЗНАКОМЫЙ

Утром Владимир Барабошкин прочел газету и задумчиво произнес:

— Сегодня, ребята, о болтунах статья напечатана. Есть, оказывается, и среди нас неосознательные. Треплют языком всякую чепуху. И не понимают люди, что болтовня всякая врагу на руку. Безобразие!

Барабошкин спрятал газеты, вышел из блиндажа и отправился завтракать.

— Ты меня извини, — предупредил Барабошкин повара, — но я сегодня очень сердит. До того сердит, что даже есть не хочется.

Положи мне каши... Да только чуть-чуть... Поварешку или две... Не больше.

Когда каша была съедена, Барабошкин попросил добавки, вытер ложку и тяжело вздохнул.

— Читал я сегодня газеты, — вкрадчиво сказал Барабошкин. О болтунах пишут. И подумать только, какой вред эти болтуны приносят! Первому попавшемуся норовят всё рассказать. Никакой бдительности!

На обратном пути Барабошкин останавливал каждого встречного и, поздоровавшись, обязательно начинал разговор:

— Сегодня в газете статья интересная... О болтунах. Удивляюсь я на людей. Болтают без толку... Молчать не умеют. Взяли бы пример с меня. Ты меня хоть сто лет уговаривай, а уж лишнего слова не скажу.

Около моста Барабошкин увидел какого-то незнакомого человека. Незнакомец шел медленно и ежеминутно озирался по сторонам.

— Ты куда торопишься, браток? — окликнул Барабошкин незнакомца.

— По делам спешу, — нехотя ответил незнакомец. — Задание у меня срочное. Штаб батальона ищу.

Барабошкин засмеялся.

— Так это же совсем в другую сторону! Левее поверни. Потом до высотки дойдешь и сразу направо!

— Большое тебе спасибо, — поблагодарил незнакомец, — а то хожу уже часа два и никто толком не скажет.

— А меня благодарить не надо, — ответил Барабошкин. — Я парень вежливый и всегда рад человеку помочь. Другие болтают на каждом шагу, а на серьезный вопрос не ответят. Кстати, сегодня в газете о болтунах пишут. Дельная статья!

Барабошкин перевел дух, посмотрел на незнакомца и страшно обрадовался, обнаружив, что незнакомец слушает его очень внимательно.

— Не понимаю я, — продолжал Барабошкин. — Почему это люди болтают? Допустим даже, что тебе кое-что известно. Так зачем же болтать? Вот, я, например, не такой. Знаю много, а молчу. Мне вчера у склада с боеприпасами дежурить довелось... Тут недалеко... Совсем рядом... И вот, значит, во время моего дежурства привезли снаряды. Много снарядов или мало — об этом не скажу! Военная

тайна, сам понимаешь... В общем машины три
снарядов привезли да еще патронов ящиков
двадцать. Так вот, будь на моем месте какой-
нибудь болтун, уж он бы всё разболтал. А у
меня, извиняюсь, ничего не узнаешь! Я чело-
век сознательный и сам знаю, какой вред
болтуны принести могут.

Незнакомец похвалил Барабошкина, угос-
тил его папироской и, кивнув на прощанье
головой, поспешно скрылся.

В этот же день в районе расположения
штаба задержали подозрительного человека.

Это был тот самый незнакомец, с которым
разговаривал Барабошкин.

Незнакомец оказался фашистским развед-
чиком.

Когда слух о поимке шпиона дошел до
Барабошкина, он сердито сплюнул и возму-
щенно сказал:

— Безобразие! Говорят, этому шпиону ка-
кой-то болтун даже путь указал. Видно, есть
еще и среди нас несознательные люди! И кто
их за язык тянет?! Молчать не умеют!!

ПАПАШИН ПОЧЕРК

Надо вам сказать, что моему папаше здорово посчастливилось. Он в рядах Красной Армии с первых дней ее существования против немцев сражался.

Помню, рассказывал нам отец довольно поучительный случай из его боевой практики.

Было это дело под Псковом. Напали как-то на моего отца двое немцев. Ну, одного он пулей снял, а второй отстреливаться начал и ранил отца в правое плечо.

Эх, и разгневался же мой отец! Собрал все свои силы, догнал немца и прикладом с ног сбил.

Снял отец тогда винтовку с немца, взял документы из его сумки и присел, чтобы сделать себе перевязку.

В тот самый момент когда отец бинт разматывал, немец потихоньку привстал, оглянулся и побежал во всю прыть.

С тех пор хотя времени прошло много, но забыть этот случай папаша никак не мог.

Перед моим отъездом на войну отец снова всю эту историю вспомнил и, провожая меня, сказал:

— Если доведется тебе немцев в плен

братъ, то поинтересуйся, пожалуйста, не знают ли они, где сейчас Карл Гетцель находится. Это тот самый немец, что удрал от меня. Ему теперь годов сорок пять должно быть. Сам он роста небольшого, а на голове его от моего удара шрам быть должен.

И вот как-то недавно пошел я «языка» доставать.

Доползли мы до немецкого блиндажа, подстерегли, когда оттуда один немец по срочной надобности вышел, схватили его и доволокли в штаб.

Утром вызывает меня командир, улыбается, руку жмет.

— Спасибо, говорит, за «языка». Очень интересный тип оказался. Ему сорок пять лет от роду. Он с Красной Армией вторично встречается. Двадцать четыре года тому назад в Пскове воевал, а теперь попал в Карелию. Фамилия его Гетцель, а звать Карл.

Как услышал я фамилию этого немца, так даже вскрикнул от радости.

— Скажите, — спрашиваю, — товарищ командир, а нет ли у этого старого прохвоста шрама на голове? Если есть, то это собственноручная подпись моего папаша. Крупный такой почерк, размашистый.

— Есть шрам, — отвечает командир. — Шрам солидный. Я уже и то поинтересовался. Немец говорит, что это ему память о восемнадцатом годе один красноармеец оставил. Так что садитесь и напишите срочно своему отцу подробное письмо.

Письмо я, понятно, написал, а вскоре и ответ пришел.

Писал отец коротко:

«Спасибо, сынок, что порадовал меня хорошей весточкой. Только насчет фамилии небольшая ошибка произошла. Вспомнил я точно фамилию того немца. Фамилия его не Гетцель, а Петцель. В общем это значения не имеет. Бей немчуру проклятую и фамилии не спрашивай. Все они одной участи достойны».

«МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ»

Как хотите, дорогие товарищи, а по-моему музыка даже на зверей действует. Все только от того зависит, какая музыка и какой зверь. Возьмем немцев, уж на что хищные звери, но даже и на них музыка может подействовать. За примером ходить далеко не надо.

Там, где сейчас наше подразделение находится, еще не так давно немцы обитали.

Укрепились они, расставили в удобных местах огневые точки, попрятались за камни и молчат. Вызывает меня командир и дает такое задание:

— Вы, говорит, товарищ Перцев, сегодня в разведку пойдете. Узнайте подробно, почему немцы притихли и что у них там происходит. Неспроста это.

Отправились мы в разведку ночью. Часа три по снегу ползли и незаметно добрались до караула. Глядим, один часовой сидит на камне, скучает и растирает обмороженную ногу. Ну, стукнул я его прикладом по голове, чтобы крик не подымал, сдал ребятам этого «языка» на руки без расписки и пошел дальше.

К утру собрали мы все нужные сведения, вернулись к своим и докладываем командиру:

— Судя по всему, готовятся немцы к наступлению. Настроение у солдат, как и полагается по такому случаю, похоронное. Чтобы развеселить их, офицеры с утра до ночи патефоны заводят. Но никакая музыка солдат не веселит. Они на музыку даже внимания не обращают.

Выслушал нас командир и говорит, улыбаясь:

— Ну, что ж, раз на немцев патефонная музыка не действует, так попробуем им другую музыку дать.

В тот же день, смотрим, и наши «музыканты» со своими «инструментами» появились.

А «инструменты», как полагается, всякие. Тут и тонкоголосые противотанковые «малюточки», здесь и тромбон семидесятишестимиллиметровый, тут гаубицы разного калибра, одна на манер виолончели, другие вроде контрабаса.

В общем, оркестр внушительный и музыканты отличные.

К вечеру заняли музыканты свои места и перед началом «концерта» командир вступительное слово сказал:

— Сейчас, говорит, будет дан «концерт» советской артиллерийской музыки. В программе симфония. Называется она коротко и ясно: «Нам победа — немцам смерть». Вот под эту музыку мы и наступать будем. А чтобы дело шло веселее, приказываю идти смело за разрывами наших снарядов, и пока мы немцев не истребим, до тех пор музыка смолкать не будет.

И надо вам сказать, дорогие товарищи, что не выдержали фашистские звери советс-

кой артиллерийской музыки. Очень она на них подействовала.

Под эту самую музыку пришлось «гансам» и «фрицам» молниеносно распрощаться со своей коричневой, разбойничьей жизнью. Зато мы нашим оркестром были очень довольны.

Здорово помогли нам славные артиллеристы. Потому что, сами знаете, нет ничего веселее для пехотинца, как наступать под несмолкаемую музыку советских артиллеристов.

Теперь я надеюсь, что насчет влияния на зверей у нас с вами мнение одинаково. Здесь уже, как я говорил, все зависит от того, какую музыку зверям преподнести. Хорошая артиллерийская музыка в хорошем исполнении очень на немцев действует. Тут уже дело проверенное. Сомневаться не приходится!

КОНФУЗНЫЙ СЛУЧАЙ

Тут некоторые товарищи в своих письмах частенько спрашивают:

— Расскажи, Костя, как поживает твой приятель Тараскин Семен и почему ты о нем уже давно ничего не пишешь?

Ну, что ж, козь пошло на откровенность,

то сообщу я вам, дорогие товарищи, неприятную вестъ. Перестал я Тараскина своим другом считать. Была у нас дружба и нет дружбы. А все потому, что страсть как я не люблю зазнаек и пустозвонов.

Бывало, встретит кого Тараскин и давай сам себе хвалу петь:

— Мол, полюбуйтесь, какой я замечательный. И все мне, Тараскину, нипочем. И вообще, поскольку наша доблестная Красная Армия немцев бежать заставляет, то теперь уж победа сама собой придет, а нам только ее спокойно ждать остается.

Была у Тараскина такая нехорошая черта. Любил он своими прежними заслугами хвастать.

Уж я и то много раз предупреждал Тараскина:

— Не узнаю тебя, Семен, чем болтать попусту — следил бы ты лучше за своей винтовкой, а то мушка на ней сбита, в канале грязь, а штык видно пропал без вести. К тому же противогаз у тебя всегда в самовольной отлучке находится.

Но Тараскину все нипочем, сидит он вечером в землянке, чай пьет, по рассеянности чужую махорку крутит и бубнит без умолку.

— Вот, значит, был со мной в начале июля такой незабываемый случай. Пошел я, значит, в разведку и повстречали мы фашистов. Ну, хвастать я не люблю, а потому скажу о себе очень коротко, проявил я тогда в этом бою незабываемый героизм...

— Так он эту историю по тридцать раз в день рассказывал. Чуть ли не восемь месяцев подряд.

А надо вам сказать, что хотя героизма особого Тараскин и не проявил, но вел себя в июльской схватке с фашистами, как и подобает советскому воину. Встретившись с врагом не испугался, не убежал, а сражался храбро, за что и получил благодарность. Ребята его поздравили, я о нем в газету письмо написал и ходил даже такой слух, что по всей вероятности представят Тараскина к правительственной награде.

Другой на его месте постарался бы оправдать доверие товарищей, а вот Тараскин все наоборот делать начал. Возгордился страшно. Нос задрал, важничает.

Дело даже до таких смешных случаев дошло. Проснулся я однажды ночью. — гляжу Тараскин сидит у огня и с гимнастеркой возится. Спрашивает у меня:

— Где бы, Костя, мне шило достать?

— А зачем тебе шило?

— Да вот, хочу в гимнастерке аккуратнее дырочку сделать. На всякий случай. Может не сегодня-завтра дадут орден, а у меня даже гимнастерка в «полную боевую готовность» еще не приведена.

Посмеялся я и воспользовавшись, что никто не слышит, сказал Семену:

— Орден еще неизвестно — дадут тебе или нет, а вот сумку противогаза заштопать надо. А то ведь того и гляди потеряешь противогаз. Неприятности будут.

— Ну, и что же с того, что потеряю? — возмутился Тараскин. — я человек известный, я в любое время и новый противогаз потребовать могу!

— Ладно. — отвечаю, — поживем увидим. Только по-моему не ты требовать будешь, а раньше с тебя кое-что потребуют.

Так оно и получилось. Узнали мы на-днях, дорогие товарищи, новость горькую, предали суду Тараскина Семена за нарушение устава, за небрежность преступную, за то, что он от винтовки штык потерял и противогаз свой где-то выронил.

Сказать по правде, тяжело я принял эту весть, больно мне за своего бывшего приятеля, но сами понимаете, иначе поступить нельзя.

А во всем зазнайство виновато. Не можем мы терпеть зазнаек. Потому что на войне от зазнайки пользы столько же, сколько в пухтом котелке щей.

РАЗГОВОР О НЕРЯХЕ

Пришло мне вчера письмо от саперов. Просят они о бойце Гашине Алексее в газете написать. За такое внимание саперов я благодарю, но писать о Гашине не буду.

Пусть он сам о себе напишет. Парень грамотный, и времени у него свободного больше, чем у всех нас. Его товарищи, как полагается, встанут утром вовремя и сразу идут умываться. А вот Гашин Алексей даже смеется, наблюдая такую картину. Лежит себе и ухмыляется.

— Лучше, говорит, лишние полчаса подремать, чем зря воду расходовать. И вообще мытье — дело непрочное. Сегодня вымылся, а через месяц опять грязный.

Вот и поговори с таким человеком. Никакие слова на него не действуют. Некоторые

даже его узнавать перестали. Походка знакомая, а лица не разобрать.

Ну, прямо, не лицо, а уличный фонарь во время затемнения. Хорошо, что Гашина по особым приметам отличить можно. Если увидите, у кого сумка противогаза посторонними предметами набита, ну значит, это и есть Гашин. К тому же винтовка у него особая. Уж гашинскую винтовку все знают, — мушка на ней сбита.

Сам Гашин своей винтовкой очень доволен.

— Я за свою винтовку спокоен. Где бы ни положил, все равно ее никто не возьмет. Так что полная сохранность оружия обеспечена.

Вот и ходит Гашин, не замечая, что смеются над ним все. А пора бы заметить. Говорят, скоро там, где спит Гашин, плакат повесят:

ОСТОРОЖНО, ПРОСЬБА НЕ ПРИКАСАТЬСЯ, ПАЧКАЕТ

И действительно, пачкает Гашин звание бойца Красной Армии. Пачкает своей неряшливостью все подразделение. И сердит я на него за это, страшно как сердит. Потому и писать о нем решительно отказываюсь.

Редактор С. Сулимин

Подписано к печати 29 апреля 1944 г. Е-00491
Печати. листов 2,25. Учетно-авт. листов 2,2.
Тираж 10000. Госиздат № 153. Заказ № 156.

Государственная типография Тогозеро.

Цена 1 руб. 50 коп.